

«ЯЗЫК ГОРОДА» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Рассматриваются методологические подходы к изучению понятий «город», «язык города». Акцент делается на развитии данной проблематики в современной русистике. Выделены основные лингвистические подходы к изучению городского речевого материала. Описаны черты разговорного словообразования.

Ключевые слова: город, «язык города», урбанистика, городские разновидности речи, разговорное словообразование.

В конце XIX – начале XX в. город как способ организации жизни людей становится предметом изучения различных наук. Методологические подходы к изучению города в нашей стране в 20-е гг. XX в. формировались историками И.М. Гревсом [1] и Н.П. Анциферовым. Они считаются основателями городоведения (градоведения), городского краеведения. При изучении города ими использовался экскурсионный (так называемый экспедиционный) метод.

Вопрос о лингвистическом изучении «языка города» одним из первых поставил А.А. Шахматов. По мнению ученого, основой научного описания языковых явлений должен быть принцип историзма (хотя им не отрицается вспомогательное значение синхронного описания языковых явлений) [2].

В 20-е гг. XX в. Б.А. Ларин поставил задачу изучения «языка города» как третьей основной части языковых явлений, занимающей место между литературным языком (далее – ЛЯ) и крестьянскими диалектами. Он считал, что языковой быт города лежит в основе ЛЯ, т. е. эволюцию ЛЯ нельзя понять без обращения к «языку города» [3].

В дальнейшем вопросы изучения языка города разрабатывались в научно-теоретическом и конкретно-историческом плане. Помимо А.А. Шахматова, Б.А. Ларина, лингвистическим изучением города занимались Е.Д. Поливанов, Р.О. Шор, А.П. Якубинский, А.М. Селищев, В.М. Жирмунский, М.Н. Петерсон, Н.М. Каринский и другие исследователи, основавшие новое лингвистическое направление – *социальную диалектологию*. В основе данного направления лежал тезис о социальной обусловленности языковых явлений, а в научный оборот был введен термин *социальный диалект* (позднее – *социолект*), трактуемый как коллективный или групповой язык, некий архетип. Это общедоступная речь, представляющая собой реализацию определенных языковых средств. Однако затем проблематика «языка города» не развивалась по ряду причин.

Интерес к языковому быту города начал возрождаться в русистике в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в связи изучением ЛЯ. На волне социолингвистических исследований возник интерес к изучению *литературной разговорной речи* (далее – ЛРР) [4]. В дальнейшем ЛРР

* При поддержке гранта РГНФ № 11-14-55004а/т, ФГНУ "Центра информационных технологий и систем органов исполнительной власти" № 01201157519.

стали рассматривать как устную разновидность языка современного города [5]. В начале 80-х гг. начинает изучаться *городское просторечие* (далее – ГПр) как неотъемлемая часть городской разговорной речи [6].

С последней трети XX в. в русистике весьма актуальной становится тема «язык современного города». Под ней понимается исторически сложившаяся совокупность типов городской речи, используемая в границах города различными социальными группами, объединенными знанием «кода города». Иначе говоря, в границах города формируется «речевой коллектив», объединяющий всех его жителей. Для них характерно знание «общего жаргона» города («общегородского жаргона») и неофициальных названий городских объектов, формирующих «код города». В результате их изучения формируется особое направление – *урбанистика* (кроме Москвы, урбанистика развивается в Великом Новгороде, Саратове, Перми, Екатеринбурге, Челябинске, Омске, Томске, Красноярске и других городах). При этом отмечается, что локальные элементы проявляются в речи носителей АРР, ГПр, полудialecta, жаргонов. Исследование речи жителей ряда городов формирует *локальную урбанистику*.

Анализ научной литературы и практического материала позволяет говорить о том, что выделение четких показателей «городских подсистем» (речевых сред) не является единственным подходом. Весьма продуктивным может быть *выявление общих закономерностей их функционирования*. Так, носители просторечной и среднелитературной разновидностей речевой культуры [7] могут находить и находят общие темы для разговора. Последний, в случае необходимости, объединяет различные речевые ресурсы, переходит с одного речевого кода на другой [8]. С другой стороны, это характерно и для «частичных просторечников», которые находят «общий язык» с жителями «малых городов» и «диалектоносителями», владеющими местным полудialectом (так называемым сельским просторечием) [9].

При речевом взаимодействии общими для жителей города являются фоновые знания, в случае их несовпадения возможны коммуникативные провалы. Следует также учитывать тот факт, что «на каждом этапе языковой эволюции взаимодействие этих подсистем своеобразно и отражает – не прямо, путем сложных опо-

средований – социальные процессы, протекающие в обществе» [10]. В современных условиях наблюдается проникновение «нелитературных» элементов в зону ЛЯ благодаря изменениям в классовой иерархии, СМИ, стилистике кинофильмов и т.п., что создает «размытость» границ подсистем, соприкасающихся с ЛЯ.

Горожан объединяют также особенности коммуникативного поведения: *общительность, коллективность общения, оценочность, тематическое разнообразие, доминантность в разговоре, бескомпромиссность в споре, бытовая неулыбчивость* (данные параметры для характеристики русских предложены И.А. Стерниным [11]). Поэтому одним из направлений урбанистских исследований является «*риторический подход*»: рассмотрение речи горожан с точки зрения технологии речевых коммуникаций. Между говорящими жителями города возможно как «согласие» («коммуникативный унисон», «коммуникативное равновесие», «неконфликтное взаимодействие» и т.п.), так и «несогласие» («коммуникативная неудача», «коммуникативный провал», «коммуникативный конфликт» и т.п.).

Положительные речевые акты возникают в случае установки на «успешное» взаимодействие, речевую «солидарность», хотя возможно и недопонимание в случае несовпадения значений и коннотаций у языковых единиц из различных пластов русского языка.

При утрате такого характерного для сельских жителей показателя, как «межличностное соперничество», а также в условиях формирования «общения без лица» для городских жителей характерно создание ситуации речевой агрессии по определенному плану (так называемый городской стереотип конфликтного типа). Формируется «небратское состояние общества» (термин Н.Ф. Федорова), для которого существует *модель конфликтного поведения*. Возможны как мотивированные стимулы данной ситуации (прямые стимулы), так и немотивированные (косвенно-побудительные реакции), что приводит к вербализации эмоционального состояния. При дуально-конфликтном восприятии мира чаще всего представлена так называемая триада враждебности (К.Е. Изард): гнев, отвращение, презрение. В обиходно-разговорной сфере они чаще всего проявляются вместе. Степень «тяжести» употребляемых средств зависит от особенностей конфликтного сценария, возраста,

пола и типа языковой личности (степени куртуазности/инвективности) и знания ею норм этикетного общения. Эффект воздействия зависит от характера употребляемых единиц: отдельных экспрессивных «вкраплений» в текст, грубо-бренных единиц и конструкций, фонда экспрессивного и грубого просторечия, арготизированных единиц, вульгарного жаргона, инвектив (от лат. *investio* 'нападки', 'брань'), в том числе и обценных единиц. Для характеристики данной коммуникативной ситуации употребляются понятия «антикультура» [12], «антиповедение» [13], «отрицательный шаблон». Соответствующие явления возникают в результате переоценки окружающего мира, большая часть которого «понижается» и «пародируется» [14].

В научной литературе у просторечия, жаргона, арготизмов и т. п. выделяется ряд общих черт; проводится мысль об интеграции городской разговорной речи как о живом и незавершенном процессе (В.В. Химик, А.А. Юнаковская и др.). Прежде всего интегрируются те разновидности речи, которые создают собственный «мир» (чаще всего протестный). Данный подход оправдывается тем, что разговорные разновидности речи основываются на дуально-конфликтном восприятии человеком окружающего мира. «Свое» чаще всего имеет слабое отражение, оберегается различными способами, в том числе и грубо-бренными образованиями. «Чужое» («не свое», враждебное, незнакомое и т. п.) имеет многократное отражение. Именно характеристика «чужого» обладает общими закономерностями и средствами отражения. Создаются серии слов, фразеологических единиц, мини-текстов, формирующих в итоге смысловые поля.

Общие свойства различных разновидностей общерусского языка – использование ряда единиц сниженного и грубого характера, образующее общий «низкий» междialeктный тип речи, обладающий своеобразной стилистикой. Он занимает низшую ступень в структуре национального языка и является «параллельным» средством общения для носителей разных разновидностей общерусского языка. Это ненормативный подтип речи (так называемая фамиллярно-площадная речь (термин М.М. Бахтина [15])), при употреблении которого говорящий может по-своему интерпретировать существующие понятия средствами языка. Однако можно го-

ворить об определенных закономерностях его функционирования. Этому подтипу свойственно эмоциональное отношение говорящего к «другому» с использованием «грубой формы диалогизма» (термин М.М. Бахтина [16]). В его основе лежит «саморазвивающийся тип культуры», для которого характерен тип мышления, имеющий в основе следующие черты: сложную иерархию подчинения, стереотипное или близкое отношение к окружающему миру, коллективное представление о «нормах» поведения, эмоциональное отношение говорящего к «другому», основанное на психологии брани (чаще всего), сексуально направленной, допустимость физической агрессии и т. п. Наблюдается преобладание отрицательных номинаций. Еще К.Г. Юнг отмечал, что «мы несем в себе наше прошлое, а именно примитивного, низкого человека с его желаниями и эмоциями» [17]. И именно человеческое начало, по его мнению, имеет вечный характер, оно всегда живо в коллективном подсознании.

Не менее показательным является наличие ряда общих словообразовательных средств, формирующих «однотипность словообразования» (термин Д.С. Лихачева [18]) у социолектов, а также и у разговорных разновидностей общерусского языка. Так, можно выделить несколько рядов единиц, образованных по *однотипным моделям*. В лингвистике уже предлагался подобный подход В.Н. Виноградовой, рассматривающей деривационные средства как *смежные явления*, свойственные различным формам русского национального языка (например, разговорно-просторечные аффиксы). Несмотря на проявляемый в науке интерес к изучению общерусских деривационных тенденций, словообразование социальных разновидностей языка освещено слабо.

Собранный материал – разговорная речь г. Омска – позволяет сделать некоторые наблюдения над реализацией общерусской словообразовательной системы. Рассматривая «типичные» и «нетипичные» («уникальные») словообразовательные структуры, особенности использования словообразовательных аффиксов и моделей, необходимо учитывать соотношение регулярности, степени членимости, повторяемости словообразовательных элементов. Известно, что русский язык – это язык флективного строя, для которого характерно накопление формальных показателей в конце слова, поэтому оформле-

ние новой лексической единицы завершается созданием «конца слова», формальным выражением наиболее общих квалифицирующих и категориальных компонентов словесного значения (Е.С. Кубрякова, М.Н. Янценецкая и др.). Процесс семантизации происходит в обратном порядке – к единичному лексическому значению от общей категориальной формы. Этапы формализации и семантизации соотносятся довольно четко, имея языковым выражением одни и те же «части» производного слова (основную/основные и аффиксальные компоненты).

Связь словообразования и лексики проявляется в том, что именно с помощью новых единиц возможно оформление возникших понятий на основе уже существующих. При этом словообразование небезразлично к системной организации лексического фонда и обладает рядом серийных образований, способствующих «облегчению» понимания этих единиц.

На примере создания имен существительных можно увидеть, что они могут образовываться **суффиксальным** способом:

1) от глаголов с помощью суффиксов *-ив(о)*, *-ев(о)*, *-ив(о)/и(л)ов(о)* (а) *гониво* 'ложь, обман' (мол.) (от мол. *гнать* 'обманывать'), *точиво* 'пища' (мол.) (от мол. *точить* 'есть') и т. п.; б) *лечево* 'ложь, обман' (мол.) (от мол. *лечить* 'обманывать'), *палево* 'засада' (угол), *палёво* 'неудача' (мол.), (от угол. *спалиться* 'попасться'), *ширево* 'наркотик, вводимый внутривенно' (воров., мол.) (от *ширяться* 'принимать наркотик внутривенно') и т. п. в) *винтилово* 'массовое задержание' (мол.) (от *винтить* 'убегать'), *гасилово* 'драка' (мол.) (от *гасить* 'сильно бить, убивать'), *глюкалово* 'галлюцинации' (мол.) (от *глючить* 'видеть галлюцинации'), *горбилово* 'работа' (воров.) (от общеупотр. *горбатиться* 'заниматься тяжелым трудом'), *мочилово* 'массовое убийство' (мол.) (от *мочить* 'убивать'), *стремало* 'ощущение опасности' (мол.) (от *стрематься* 'бояться'), *ширялово* 'наркотик' (мол.) (от *ширяться* 'принимать наркотик'). Отмечены также единицы, образованные от имен существительных (*огнцво* 'спиртное' (мол.), *чтцво* (прост.) и т. п.);

2) от глаголов с помощью суффикса *-л(о)* (*будцло* 'будильник' (мол.) (от *будить*), *долбцло* 'программа-прозвончик' (комп.) (от прост. *долбить*), *питало* 'блок питания' (комп.) (от *питать*), *пцхло* 'двигатель автомобиля' (автожарг.) (от разг. *пихнуть*), *пивццло* 'пиво' (мол.) и т. п.). А

также отмечены единицы *дрейфцло* 'трус-ликий человек' (мол.) (от прост. *дрейфить* 'труситься'), *пыжцло* 'человека атлетического сложения' (мол.) (от разг. *пыжиться* 'стараться изо всех сил сделать что-либо');

3) от глаголов с помощью суффикса *-л(а)* (*водцла* (прост., автожарг.) (от *водить*), *руццла* 'водитель' (автожарг.) (от *рулить*), *катала* 'карточный шулер' (воров.), *кидала* 'мошенник' (воров.) (от *кидать*), *лепцла* 'врач' (воров.), *педрцла* 'непорядочный человек' (мол.) и т. п. (ср. общеупотр. *подпевала* 'тот, кто поддерживает кого-либо из корыстных соображений', от *подпевать*));

4) от имен существительных по существующей модели (а) *корецфан* 'близкий друг' (воров.) – *дружбан*, *калифан*, *братан* 'друг' (мол.) и т. п., б) *общага* 'общение' (прост., мол.) – *барага* 'общение' (мол.), *профилага* 'профилакторий' (мол.), *располага* 'жилое расположение' (воен.) и т. п.).

Осуществляется также образование от имен существительных с помощью **усечения** и грамматического оформления (*комп* 'компьютер', *меги* 'мегабайты' (комп.), *сига* 'сигарета' (мол.), *жца* 'автомобиль «Жигули»', *запорога* 'автомобиль «Запорожец»' (мол.), *прога* 'программное обеспечение' (мол., комп.), *бцжа* 'бижутерия' (дизайнер.) (ср. общеупотр. *маг* 'магнитофон', *пласт* 'пластинка') и т. п.).

Одним из способов образования разговорных единиц является **словосложение**:

а) составные слова (*блат-хата* 'место сбора для проведения определенных мероприятий', *гоп-компания* 'объединение людей по интересам', *бой-френд* 'молодой человек, мужчина для веселого времяпровождения' (ср. *герл-френд*, *бой-баба*), *анкл-бэнс* 'негр' (от названия иностранной кулинарной фирмы) (мол.), *драп-хохотунчик* 'немодное пальто, не согревающее владельца' (прост.) и т. п.);

б) сложносокращенные слова (*БИЧ* 'бывший интеллигентный человек', *БОМЖ* 'без определенного места жительства' и т. п.).

Представлены элементы **языковой игры** (*амбар*, *варежка* 'рот' (мол.), *ведро* 'желудок' (мол.), *баня*, *мавзолей* 'общественный туалет', *вертолет* 'комар' (мол.), *мартен* 'газовая или электрическая плита' и т. п.).

Для различных разновидностей речи характерен **звуковой повтор**: создание фонетической оболочки, оформленной по

моделям русского языка (*вась-вась* ‘поддержка, помощь в предсудительном поступке’ (общеупотр.), *фигли-мигли* ‘проделки, ловкие приемы’, *фокус-покус* ‘ловкий прием, неожиданный поступок’, *шурь-муры* ‘любовные похождения’ (разг.), *бухта-барахта* (с *бухты-барахты* ‘сделать что-либо неожиданно, не подумав’), *танцы-шманцы* ‘развлечения’ (прост.), *шир-мыр* ‘что-либо преступное’ (диал.), *юртень-крутень* ‘подвижный, юркий человек’ (диал.), *агу-агу* ‘любовные отношения’, *кора-мора* ‘смерть’ (мол.), *ексель-моксель* ‘Microsoft Excel’, *му-му* ‘мультимедиа’ (комп.) и т. п.

Приведенный перечень позволяет говорить о существовании в языке города общего словообразовательного фонда «примитивности». Периферийные элементы словообразовательной системы используются чаще всего в моделях, для которых данный формант (суффикс) не характерен. В результате формируется единица, которая выглядит как случайная аномалия, противостоящая аналогии «нормативного» языка.

Итак, исследование языка города оформилось в особое лингвистическое направление. На сегодняшнем этапе его развития очевидно, что «язык города» представляет собой многоуровневое и разноаспектное образование, а его составляющие обладают как различными, так и общими показателями. К последним относится протестное настроение, отрицание субъектом речи окружающего мира, обозначение им собственной позиции при расчленении мира и номинации его явлений. Данные черты отражаются словообразовательной системой языка города. Проведенное исследование выявило ряд словообразовательных средств общерусского языка (чаще всего малопродуктивных), имеющих в основе древние импульсы – примитивное мышление, архетипы – и их языковое выражение.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гревс И. М. Город как предмет краеведения // Краеведение. 1924. № 3. С. 249.
- [2] Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1–2. Пг., 1916. С. 79.
- [3] Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Русская речь : сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Вып. 3. Л., 1928. С. 61–75; К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // Изв. Гос. пед. ин-та им. Герцена. 1928. Вып. 1. С. 175–185). Также см.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 175–189, 189–199.
- [4] Скребнев Ю. С. Исследование русской разговорной речи // ВЯ. 1987. № 1.
- [5] Разновидности городской устной речи. М., 1988; Живая речь уральского города. Свердловск, 1988; Функционирование литературного языка в уральском городе. Свердловск, 1990.
- [6] Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984.
- [7] Сиротинина О. Б. Речь современного города // Речь города. Омск, 1995. Ч. 1. С. 8–11.
- [8] Шалина Н. В. Коммуникативно-культурное пространство: общий взгляд и возможности интерпретации // Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999. С. 61.
- [9] Юнаковская А. А. Просторечие. «Просторечники». Степень просторечности высказывания // Славянские чтения. Вып. IV. Омск, 1996. С. 96.
- [10] Крысин Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации в современной лингвистике // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 11.
- [11] Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские. Коммуникативное поведение. М.: Наука, 2006.
- [12] Жельвис В. И. Поле брани. М., 1997; Юнаковская А. А. Некоторые особенности картины мира и речевого поведения носителей грубобранной (инвективной) лексики и фразеологии // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Омск, 2000. С. 169–181.
- [13] Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 320–332.
- [14] Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- [15] Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- [16] Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 317.
- [17] Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 11.
- [18] Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма // Язык и мышление. М.; Л., 1935. Т. 3–4. С. 47–100.